5.3. Исследования, специфичные для отдельных избирательных систем

5.3.1. Исследования мажоритарной системы абсолютного большинства

При использовании системы абсолютного большинства наибольший интерес представляет вопрос, в каком случае во втором туре побеждает кандидат, который в первом туре занимает второе место. Мы исследовали этот вопрос на массиве данных о выбо-

m — среднее число мандатов в избирательном округе (Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990. Oxford, 1994. P. 25–30).

[1] Мюллер Д. Общественный выбор III. М., 2007. С. 366–371.

рах глав регионов и муниципальных образований в Российской Федерации[1].

За период с 1995 по 2005 год в России прошло 227 успешных кампаний по выборам глав регионов. Из них второй тур потребовался в 74. После восстановления прямых выборов глав регионов в 2012 году второй тур использовался лишь один раз (этот случай будет рассмотрен нами отдельно).

Из 74 кампаний периода 1995–2005 годов мы исключили из нашего рассмотрения два случая, когда была отменена регистрация одного из кандидатов, вышедших во второй тур, — выборы Губернатора Приморского края 2001 года и выборы Главы администрации Ульяновской области 2004 года. Таким образом, всего нами рассматриваются 72 избирательные кампании по выборам глав регионов, проходившие с августа 1995 года по февраль 2005 года в два тура. В таблице 5.18 показано, как зависела частота побед во втором туре кандидата, лидировавшего в первом туре, от его результата в первом туре.

Таблица 5.18. Результаты второго тура выборов глав регионов в зависимости от результатов первого тура

Доля голосов, полученных победителем первого тура	Всего кампаний	Во втором туре победил кандидат, лидировавший в первом туре	
		число	доля
45–50%	15	14	93,3%
40–45%	19	17	89,5%
35–40%	14	10	71,4%
меньше 35%	24	11	45,8%

[1] Любарев А. Как в России выбирают губернаторов // Российская Федерация сегодня. 2004. № 10. С. 36; Любарев А. Е. Мажоритарная избирательная система абсолютного большинства: российский опыт // ПОЛИТЭКС. 2015. № 3. С. 74–86.

Как видно из таблицы, если в первом туре победитель получал меньше 35%, шансы лидера и его соперника на победу во втором туре оказывались примерно равны. Если же у лидера 35–40%, то его шансы были значительно выше, но все же еще очень далеки до 100%. Поражение же кандидата, получившего в первом туре более 40%, было маловероятно.

И все же такое иногда случалось. Рассмотрим эти три случая подробнее.

Один из них можно считать пограничным: В. В. Хабаров лидировал в первом туре выборов Главы администрации Ненецкого автономного округа 1 декабря 1996 года с результатом 40,6% (то есть лишь чуть выше 40%), а во втором (13 декабря) проиграл В. Я. Бутову (получившему в первом туре 22,0%). Однако стоит отметить, что результат Хабарова во втором туре снизился по сравнению с первым как в абсолютных (с 7451 до 7056 голосов), так и в относительных (до 40,3%) величинах.

Два других случая имели место тогда, когда первый тур губернаторских выборов был совмещен с федеральными выборами. В обоих случаях во втором туре явка была существенно ниже, чем в первом — это связано с тем, что интерес избирателей к федеральным выборам обычно выше, чем к региональным[1]. Данное снижение приводило к тому, что победитель второго тура получал в абсолютных числах меньше, чем его соперник в первом.

Так, в первом туре выборов Главы администрации Тамбовской области 17 декабря 1995 года (совмещенном с выборами в Государственную Думу) действующий глава О. И. Бетин лидировал с 278 283 голосами (42,0%), вторым был А. И. Рябов (36,8%). Но во втором туре, когда явка снизилась с 68,9% до 52,7%, по-

[1] Любарев А. Е. Активность избирателей на федеральных, региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации // Социодинамика. 2013. № 8. С. 138–209.

беду одержал Рябов, получивший всего 268 221 голос. Любопытно, что в 1999 году Бетин взял реванш — уникальный случай в российской практике.

Аналогичной была и ситуация на получивших широкий резонанс выборах Губернатора Алтайского края. В первом туре 14 марта 2004 года (совмещенном с президентскими выборами) лидировал действующий губернатор А. А. Суриков с 609 001 голосом (47,5%), вторым был известный артист М. С. Евдокимов (39,5%). Во втором туре 4 апреля явка снизилась с 64,1% до 57,5%, и за победившего Евдокимова проголосовало лишь 569 035 избирателей. Впрочем, результат Сурикова снизился и в относительных величинах (до 46,3%).

Количество выборов глав муниципальных образований, прошедших в два тура, значительно больше. Для исследования мы ограничились выборами глав муниципальных районов, городских округов и городских поселений с числом избирателей более 20 тысяч, прошедших начиная с декабря 2003 года (когда результаты выборов стали отражаться на интернет-портале ЦИК России) по декабрь 2013 года.

Всего на указанном ресурсе найдены данные о 170 таких кампаниях. Из них мы исключили из рассмотрения 8 — две кампании, где во втором туре победил «кандидат против всех» (Дальнегорск, Приморский край, январь 2005 года; Мегион, Ханты-Мансийский автономный округ, апрель 2005 года), четыре кампании, где была отменена регистрация одного из кандидатов, вышедших во второй тур (Владивосток, июль 2004 года; Оловяннинский район, Читинская область, ноябрь 2004 года; Богучанский район, Красноярский край, май 2005 года; Партизанск, Приморский край, март 2009 года), и две кампании, где результаты выборов были отменены судом из-за подкупа избирателей (Багратионовский район, Ка-

лининградская область, март 2004 года; Дальнегорск, Приморский край, октябрь 2005 года).

Полученный массив из 162 кампаний охватывает 26 субъектов Российской Федерации (3 республики, 7 краев, 15 областей и автономный округ), включает 93 района и 69 городов. Временной расклад следующий (по дате первого тура): декабрь 2003 года и 2004 год — 48 кампаний, 2005 год — 36 кампаний, 2006 год — 13 кампаний, 2007 год — 14 кампаний, 2008 год — 9 кампаний, 2009 год — 16 кампаний, 2010 год — 10 кампаний, 2011 год — 6 кампаний, 2012 год — 8 кампаний, 2013 год — 2 кампании (уменьшение числа кампаний со временем свидетельствует, по-видимому, в первую очередь о сокращении применения системы абсолютного большинства). В 2006 году было отменено голосование «против всех»; в нашем массиве в 94 кампаниях использовалось такое голосование, а в 68 не использовалось. В 37 кампаниях первый тур был совмещен с датой голосования на федеральных выборах.

В первую очередь нас интересовало, как изменялась активность избирателей во втором туре. Оказалось, что в 46 случаях число избирателей, принявших участие в голосовании, увеличилось во втором туре по сравнению с первым, а в 116 случаях — уменьшилось. При этом во всех 37 случаях совмещения первого тура с федеральными выборами активность снизилась. Таким образом, если рассматривать только несовмещенные выборы, то активность уменьшилась в 63% кампаний и увеличилась в 37% (соотношение близко к «золотому сечению»).

Следующий вопрос: что происходит во втором туре с поддержкой двух оставшихся кандидатов? Смысл второго тура именно в том, что оба кандидата в той или иной пропорции получают поддержку избирателей, которые в первом туре голосовали за

других кандидатов. Иными словами, в теории поддержка обоих кандидатов должна вырасти.

В большинстве случаев так и происходит. Однако есть немало исключений. Анализ показал, что в 33 кампаниях снизилась в абсолютных показателях (то есть в количестве полученных голосов) поддержка кандидата, занявшего в первом туре первое место, в 21 кампании — кандидата, занявшего в первом туре второе место, причем в семи кампаниях снизились абсолютные показатели у обоих. Во всех семи случаях снижение явки во втором туре превышало 20% от первоначального показателя явки. Из них в пяти первый тур был совмещен с федеральными выборами.

Гораздо реже встречались ситуации со снижением поддержки кандидатов в относительных показателях (то есть в проценте голосов от числа проголосовавших избирателей). В восьми кампаниях такое произошло с кандидатом, занявшим в первом туре второе место, причем во всех этих случаях у него снизился также абсолютный показатель. В десяти кампаниях относительный показатель снизился у кандидата, занявшего в первом туре первое место, из них в шести у него также снизился абсолютный показатель.

Далее, как и в случае губернаторских выборов, интересны ситуации, когда кандидат, лидировавший в первом туре, проигрывал во втором. Таких случаев оказалось 35. В таблице 5.19 показано, как зависела частота побед во втором туре кандидата, лидировавшего в первом туре, от его результата в первом туре.

Данные, представленные в таблице 5.19, несколько отличаются от аналогичных данных по губернаторским выборам, однако тенденции точно такие же. Чем ниже результат лидера в первом туре, тем выше шансы его проигрыша. При этом данные за период, когда было голосование «против всех», мало отличаются от данных за последующий период.

Таблица 5.19. Результаты второго тура выборов глав муниципальных образований в зависимости от результатов первого тура

Доля голосов, полученных победителем первого тура	Всего кампаний	Во втором туре победил кандидат, лидировавший в первом туре	
		число	доля
45–50%	36	32	88,9%
40–45%	35	30	85,7%
35–40%	28	21	75,0%
30–35%	36	26	72,2%
меньше 30%	27	18	66,7%

Зависимость результатов второго тура от разрыва голосов между лидерами в первом туре оказалась еще более резкой (см. таблицу 5.20). При разрыве менее 10% шансы поражения лидера первого тура довольно высоки, при разрыве более 15% они весьма низкие.

Таблица 5.20. Результаты второго тура выборов глав муниципальных образований в зависимости от разрыва между лидерами в первом туре

Разрыв в процентах голосов, полученных кандидатами, вышедшими во второй тур	Всего кампаний	Во втором туре победил кандидат, лидировавший в первом туре	
		число	доля
меньше 5%	44	30	68,2%
5–10%	36	21	58,3%
10–15%	29	24	82,8%
15–20%	18	18	100%
больше 20%	35	34	97,1%

Проанализируем более детально те редкие случаи, когда кандидату, занявшему второе место, удалось преодолеть разрыв более 10% или когда проиграл кандидат, получивший в первом туре более 40%. Таких случаев всего 11, причем в четырех имели место обе аномалии, в двух — только преодоление разрыва более 10% и еще в пяти — только проигрыш кандидата, получившего в первом туре более 40%.

В четырех случаях имело место совмещение выборов, и в результате во втором туре была снижена активность избирателей:

1) Спасский район Рязанской области — в первом туре 14 марта 2004 года участвовало 17 535 избирателей, лидировал руководитель Дирекции благоустройства города Рязани Д. В. Диргин с 7513 голосами (42,85%), глава района В. В. Анохов оказался на втором месте с 6186 голосами (35,28%). Во втором туре 28 марта активность избирателей снизилась до 16 606, Диргин потерял 68 голосов, а Анохов прибавил 1836, в результате у Анохова 48,31%, а у Диргина — только 44,83%.

2) Ярославский район Ярославской области — в первом туре 14 марта 2004 года участвовало 22 747 избирателей, лидировал глава района В. А. Дружицкий с 7940 голосами (34,91%), второе место занял директор Ярославского НИИ автоматизации перспективных технологий сельского хозяйства В. И. Мильто с 5026 голосами (22,10%). Во втором туре 28 марта активность избирателей снизилась до 16 667, Дружицкий потерял 381 голос, а Мильто прибавил 2649 голосов, в результате у Мильто 46,05%, а у Дружицкого — только 45,35%. Однако Мильто во втором туре получил 7675 голосов, что ниже абсолютного результата Дружицкого в первом туре.

3) Нытвенский район Пермского края — в первом туре 2 декабря 2007 года участвовало 21 290 избирате-

лей, лидировал зам. руководителя администрации губернатора Пермского края А. Л. Каменев с 10 378 голосами (48,75%), второе место занял зам. главного механика ОАО «Нытва» В. Г. Трефилов с 8641 голосом (40,59%). Во втором туре 16 декабря активность избирателей снизилась до 16 122, Каменев потерял 2755 голосов, а Трефилов — 365, в результате у Трефилова 51,33%, а у Каменева — 47,28% (то есть меньше, чем в первом туре, и в относительных величинах). При этом поддержка Трефилова в абсолютных числах (8276 голосов) значительно ниже результата Каменева в первом туре.

4) Сковородинский район Амурской области — в первом туре 2 декабря 2007 года участвовало 13 556 избирателей, лидировал выдвиженец «Единой России» и.о. главы района Е. Н. Старков с 6248 голосами (46,09%), вторым был зав. производственной базой ООО «Капстрой» В. В. Гляков с 5463 голосами (40,30%). Во втором туре 16 декабря активность избирателей снизилась до 7676, Старков потерял 3421 голос (то есть более половины голосов), Гляков потерял 769 голосов, в результате у Глякова 61,15%, а у Старкова — всего 36,83%. Однако поддержка Глякова в абсолютных числах (4694 голоса) значительно ниже результата Старкова в первом туре.

Еще в одном случае активность избирателей во втором туре существенно снизилась, хотя первый тур не был совмещенным (снижение явки, вероятно, связано с неудачной датой выборов):

5) Рыбинский район Ярославской области — в первом туре 25 декабря 2005 года участвовало 11 329 избирателей, лидировал глава Тихменевской поселковой администрации М. А. Качков с 4364 голосами (38,52%), вторым был зам. генерального директора ЗАО «Рыбинскхлебопродукт» А. Н. Китаев с 2970 голосами (26,22%). Во втором туре 22 января 2006 года

активность избирателей снизилась до 9786, Качков потерял 694 голоса, а Китаев прибавил 2396 голосов, в результате у Китаева 54,83%, а у Качкова — 37,50% (то есть меньше, чем в первом туре, и в относительных величинах).

В четырех случаях, напротив, явка во втором туре существенно выросла — в основном за счет мобилизации сторонников кандидата, занявшего в первом туре второе место:

6) Нефтегорский район Самарской области — в первом туре 4 июля 2004 года участвовало 10 711 избирателей, лидировал зам. начальника Филиала СМУ-1 ООО «Самаранефтепромстрой» Б. К. Досов с 5090 голосов (47,52%), глава района С. Н. Афанасьев был вторым с 4714 голосами (44,01%). Во втором туре 18 июля активность избирателей выросла до 12 306, при этом у Афанасьева прибавка составила 1261 голос, а у Досова — только 539, в результате Афанасьев победил с 48,55%, а Досов получил лишь 45,74% (то есть в относительных величинах меньше, чем в первом туре).

7) Печенгский район Мурманской области — в первом туре 30 октября 2005 года участвовало 11 693 избирателя, лидировал глава района А. А. Иванов с 4689 голосами (40,10%), вторым был начальник рудника «Центральный» В. С. Маврин с 3410 голосами (29,16%). Во втором туре 13 ноября явка выросла до 14 765, при этом Маврин прибавил 3637 голосов, а Иванов — 1267, в результате Маврин победил с 47,73%, а Иванов получил 40,34%.

8) Куединский район Пермского края — в первом туре 1 марта 2009 года участвовало 10 624 избирателя, лидировал старший государственный инспектор Россельхознадзора П. В. Трегубов с 4900 голосами (46,12%), выдвиженец «Единой России» глава района А. П. Макаров был вторым с 4879 голосами (45,92%). Во втором туре 15 марта явка выросла до

13 825, Макаров прибавил 3001 голос, а Трегубов — 810, в результате Макаров победил с 57,00%, а Трегубов получил лишь 41,30% (то есть в относительных величинах меньше, чем в первом туре).

9) Бердск Новосибирской области — в первом туре 13 марта 2011 года участвовало 29 619 избирателей, лидировал выдвиженец «Единой России» первый зам. главы В. В. Штоп с 12 618 голосами (42,60%), вторым был выдвиженец КПРФ ведущий программист СО РАН И. Н. Потапов с 9125 голосами (30,81%). Во втором туре 27 марта активность избирателей выросла до 31 942, Потапов прибавил 9934 голоса (больше, чем получил в первом туре), а Штоп потерял 557 голосов, в результате Потапов победил с 59,67%, а Штоп получил лишь 37,76%.

В двух остальных случаях явка в обоих турах была примерно равной:

10) Сосновский район Тамбовской области — в первом туре 5 декабря 2004 года участвовало 13 800 избирателей, лидировал председатель СХПК «Дегтянский» В. И. Дементьев с 6126 голосами (44,39%), вторым был лесничий В. В. Зенкин с 3358 голосами (24,33%). Во втором туре 19 декабря явка чуть выросла — до 14 153, при этом Зенкин прибавил 3926 голосов, а Дементьев потерял 27 голосов, в результате Зенкин победил с 51,47%, а Дементьев получил лишь 43,09%.

11) Кизеловский район Пермского края — в первом туре 12 марта 2006 года участвовало 13 154 избирателя, лидировал глава района А. Н. Гаврилов с 5524 голосами (41,99%), вторым был генеральный директор ЗАО «Сервисное строительство» И. Е. Штэник с 4100 голосами (31,17%). Во втором туре явка снизилась всего на 20 человек, Штэник прибавил 2106 голосов, а Гаврилов — только 585, в результате Штэник получил 47,25%, а Гаврилов — 46,51%.

Таким образом, почти все случаи с аномальными результатами связаны с изменением поведения избирателей во втором туре. В 9 случаев из 11 активность избирателей в первом и втором турах существенно различалась. В двух случаях победитель первого тура получил во втором меньшее число голосов, еще в двух он получил меньший процент голосов, а в пяти случаях его результат во втором туре был меньше, чем в первом, как в абсолютных, так и в относительных величинах. В трех случаях победитель второго тура получил в этом туре меньшее количество голосов, чем его соперник в первом туре.

Существует мнение, что система абсолютного большинства невыгодна власти, поскольку в первом туре ее ставленник собирает все голоса провластного электората, а во втором туре происходит консолидация оппозиции и голоса выбывших кандидатов достаются сопернику ставленника власти. Наш анализ показал, что так происходит в большинстве случаев, но не во всех.

Из 35 кампаний, где во втором туре победил кандидат, занявший в первом туре второе место, в семи мы не смогли определить явного ставленника власти во втором туре (Кунгур, Пермский край, 2004 год; Сосновский район, Тамбовская область, 2004 год; Пожарский район, Приморский край, 2005 год; Переволоцкий район, Оренбургская область, 2005 год; Рыбинский район, Ярославская область, 2005–2006 годы; Рубцовск, Алтайский край, 2008 год; Дзержинск, Нижегородская область, 2010 год). Также мы исключаем выборы главы Мурманска 2009 года, где главе города выдвиженцу «Единой России» М. Ю. Савченко противостоял ставленник областной власти вице-губернатор С. А. Субботин.

В остальных 27 кампаниях был явный ставленник власти — глава муниципального образования, и.о.

или зам. главы, глава или зам. главы муниципального образования нижнего уровня — районного центра, либо сотрудник региональной администрации. В большинстве случаев они шли как самовыдвиженцы, но в 8 кампаниях (начиная с 2007 года) выдвигались «Единой Россией».

Из этих 27 кампаний в 6 провластный кандидат занимал в первом туре второе место, а во втором побеждал. В остальных случаях (21 кампания), напротив, ставленник власти, лидировавший в первом туре, проигрывал во втором.

Отдельного рассмотрения требует недавний случай губернаторских выборов в Иркутской области. В первом туре, прошедшем 13 сентября 2015 года, лидировал кандидат «Единой России» и.о. губернатора С. В. Ерощенко, получивший 270 526 голосов (49,60%). На втором месте был кандидат КПРФ С. Г. Левченко — 199 702 голоса (36,61%). Таким образом, Ерощенко, не дотянувший до заветной половины всего 0,4%, опережал Левченко на 13% голосов, и с точки зрения теории его победа во втором туре была запрограммирована.

Однако, как и в большинстве других аномальных случаев, здесь решающую роль сыграло изменение активности избирателей. Явка в первом туре составила всего 29,2%. Несомненно, что одной из основных причин неучастия значительного числа избирателей в первом туре было неверие в возможность сменить власть путем выборов. Результат первого тура у многих жителей Иркутской области (в первую очередь у жителей Иркутска и ряда других городов) возродил веру в выборы. И немалая их часть пошла голосовать во втором туре за оппозиционного кандидата.

В результате явка при повторном голосовании выросла до 37,2%. С. В. Ерощенко прибавил 18 401 голос, но в относительных величинах его результат сни-

зился до 41,46%. Прибавка С. Г. Левченко оказалась внушительной — за него проголосовало 392 942 избирателя (56,39%), или на 193 240 человек больше, чем в первом туре[1].

Как отмечалось в разделе 3.2, помимо системы абсолютного большинства, требующей для избрания в первом туре получения кандидатом не менее 50% голосов, существуют более мягкие модели, предусматривающие избрание в первом туре лидера, получившего больше заранее определенной доли голосов. Так, в Аргентине для избрания в первом туре лидеру необходимо получить либо более 45% голосов, либо более 40% голосов при условии отрыва от следующего кандидата более чем на 10%. Наше исследование показывает разумность таких моделей. Полагаем, что нет смысла в проведении второго тура выборов в тех случаях, когда победа в нем кандидата, лидирующего в первом туре, очевидна.

Наш анализ показал, что вероятность победы во втором туре кандидата сильно зависит от его результата в первом туре и его отрыва от основного соперника. Как показано в таблице 5.18, на губернаторских выборах кандидат, лидировавший в первом туре с результатом менее 35%, примерно в половине случаев проигрывал второй тур. На выборах глав муниципальных образований (таблица 5.19) кандидаты, лидировавшие в первом туре с результатом менее 30%, терпели поражение во втором туре в одной трети кампаний, с результатом между 30 и 35% — более чем в четверти кампаний. Поэтому полагаем недопустимым считать избранным в первом туре кандидата, получившего менее 35% голосов избирателей. Так же

[1] Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М., 2015. С. 463–470.

высоки шансы на проигрыш во втором туре кандидата, оторвавшегося в первом туре от своего соперника менее чем на 10% (таблица 5.20).

По-видимому, наиболее целесообразно включать в условие избрания кандидата в первом туре оба параметра — его результат в первом туре (в процентах от числа проголосовавших избирателей) и его отрыв от основного соперника (в таких же процентах). Примером могут быть отмеченный выше аргентинский критерий или предложенный нами[1] более жесткий критерий — получение лидером первого тура не менее 45% с отрывом от соперника не менее чем на 10%, либо не менее 40% голосов с отрывом не менее чем на 15%.

Если ориентироваться на использованный нами массив муниципальных выборов (162 кампании), то расчет показывает: применение аргентинского критерия позволило бы избежать второго тура в 63 случаях (39% кампаний), но при этом в восьми случаях это привело бы к победе кандидата, который проиграл во втором туре. Применение более жесткого критерия позволило бы избежать второго тура в 45 случаях (28% кампаний), при этом только в одном случае это привело бы к избранию другого кандидата (явно аномальные выборы в Сосновском районе Тамбовской области).

Впрочем, остается дискуссионным вопрос: всегда ли можно считать результат второго тура более справедливым, более соответствующим воле избирателей, чем результат первого тура? Особенно это касается выявленных нами случаев, когда победитель второго тура получает в нем меньше голосов, чем было у лидера в первом туре.

[1] Любарев А. Е. Мажоритарная избирательная система абсолютного большинства: российский опыт // ПОЛИТЭКС. 2015. № 3. С. 74–86.

Есть сомнения и в отношении ситуаций, когда лидер первого тура теряет поддержку избирателей во втором туре. Ведь смысл выборов состоит в выявлении осознанных и устойчивых предпочтений избирателей. Если же существенная часть избирателей меняет свою позицию всего через две-три недели, то результат таких выборов вряд ли можно расценивать как выявленную волю избирателей.

Однако иркутский казус свидетельствует о том, что введение мягких моделей (вроде аргентинской) на губернаторских выборах преждевременно в условиях, когда избиратели утрачивают веру в свою возможность повлиять на результаты выборов. Или, по крайней мере, для избрания кандидата в первом туре необходимо добавить еще одно требование — минимальный порог явки.

Однако на выборах глав российских муниципальных образований, где от системы с перебаллотировкой практически повсеместно отказались, введение таких мягких моделей может стать альтернативой возвращению системы абсолютного большинства. Похожая проблема есть и на Украине, где на выборах глав городов с числом избирателей более 90 тысяч в 2015 году использовалась система абсолютного большинства, а на выборах глав меньших городов — система относительного большинства. В результате в некоторых небольших городах были избраны кандидаты, получившие всего 16–30% при отрыве от основного соперника менее 2%, что вызывает естественные сомнения в их легитимности[1].

[1] Любарев А. Законодательство Украины о местных выборах и его применение на выборах 25 октября 2015 года (http://www.epde.org/tl_files/EPDE/EPDE%20PRESS%20RELEASES/IMC%20UA%202014/Liubarev_Elections_in_Ukraine_2015_RU.pdf).

5.3.2. Исследования блоковой системы

При использовании избирательных систем, предусматривающих одобрительное голосование за кандидатов (блоковой и системы ограниченного вотума) интерес представляет вопрос, насколько полно избиратели пользуются предоставленными им голосами. Для этой цели мы ввели *коэффициент использования голосов избирателями*. Он вычислялся как сумма голосов всех избирателей округа, поданных за кандидатов, деленная на число голосов, которые имел избиратель, и на разность между числом действительных бюллетеней и числом голосов «против всех» (если нет строки «против всех», нужно просто делить на число действительных бюллетеней).

Расчет этого коэффициента был первоначально использован при анализе выборов советников районных собраний в Москве 1997 и 1999 годов. Для выборов 1997 года были получены следующие результаты. В Южном административном округе, где все районы были разделены на несколько избирательных округов с числом мандатов, не превышающим 6, этот показатель менялся от 0,62 до 0,94. В Юго-Западном административном округе, где каждый район представлял единый избирательный округ с числом мандатов от 10 до 18, коэффициент использования голосов составлял от 0,55 до 0,76. В тех районах Центрального административного округа, которые были разделены на несколько избирательных округов, данный коэффициент изменялся 0,69 до 0,87, а в тех районах, которые представляли единый избирательный округ, — от 0,63 до 0,71.

На выборах 1999 года наиболее высоким (0,83) коэффициент использования голосов избирателями оказался в пятимандатном округе № 2 района Куркино (фактически сельский район, расположенный

за пределами Московской кольцевой автомобильной дороги, МКАД). Из округов, расположенных в пределах МКАД, наибольшим (0,79) данный коэффициент был в трехмандатном округе № 4 района Фили — Давыдково. Наименьшее значение коэффициента (0,34) зафиксировано в пятимандатном округе № 2 района Люблино. В 52 округах из 351 коэффициент использования голосов избирателями был ниже 0,5. Еще в 149 округах этот коэффициент оказался между 0,5 и 0,6. При этом данный коэффициент имел значимую положительную корреляцию (0,33) со степенью конкуренции (отношением числа кандидатов к числу мандатов)[1].

Данные о коэффициенте использования голосов избирателями на некоторых выборах, проходивших с 2003 года, представлены в таблице 5.21.

Как видно из таблицы, коэффициент использования голосов избирателями везде весьма далек от единицы, лишь в редких случаях он немного превышал 0,8. Иными словами, заметная часть избирателей не использовала все имеющиеся у нее голоса. Для двухмандатных округов мы можем вычислить долю избирателей, которые использовали только один голос. Она составляет удвоенную разность между единицей и нашим коэффициентом. В Амурской области эта доля составила от 32 до 58%, в Мурманской области — от 42 до 60%, в Мурманске — от 38 до 55%.

Коэффициент корреляции между числом кандидатов и коэффициентом использования голосов избирателями оказался значимым (с точки зрения 5-процентного критерия) только в Амурской области (0,752); в Мурманской области его значение составило 0,578, в Мурманске — только 0,242, а в Туле корреляции вообще не наблюдалось (0,007).

[1] Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М., 2001. С. 225, 278–279.

Таблица 5.21. Коэффициент использования голосов избирателями при использовании блоковой системы на различных выборах, проходивших с 2003 по 2014 год

Территория	Год	Округа	Коэффициент
Республика Калмыкия	2003	3 четырехмандатных	0,72–0,74
Корякский автономный округ	2004	1 пятимандатный	0,67
Амурская область	2005	9 двухмандатных	0,71–0,84
Мурманская область	2007	8 двухмандатных	0,70–0,79
Чертаново Центральное (внутригородское муниципальное образование г. Москвы)	2004	3 четырехмандатных	0,68–0,81
	2008		0,67–0,76
	2012		0,55–0,63
Роговское поселение (в 2009 — Московская область, в 2014 — Москва)	2009	1 десятимандатный	0,79
	2014		0,81
Андреапольский район Тверской области	2014	3 двухмандатных	0,64–0,76
Весьегонский район Тверской области	2014	5 трехмандатных	0,59–0,68
Фировский район Тверской области	2014	4 четырехмандатных	0,55–0,73
Торжокский район Тверской области	2014	3 пятимандатных	0,62–0,64
Мурманск	2014	11 двухмандатных	0,72–0,81
Тула	2014	7 пятимандатных	0,53–0,67

5.3.3. Исследования расщепления голосов в смешанных системах

Общим для параллельных систем (описанных в подразделе 3.7.1) и двухголосых связанных смешанных систем (описанных в подразделе 3.7.2) является двойное голосование: один голос подается за кандидата (партийного или непартийного) в одномандатном избирательном округе, другой — за партийный список в многомандатном (возможно, в едином) избирательном округе. Это позволяет избирателю голосовать одновременно за список одной партии и за кандидата от другой партии (или непартийного кандидата). Такое поведение избирателей получило название «расщепление» голосов (splitting, шпиттинг)[1].

Исследования расщепления голосов на выборах в германский бундестаг были начаты еще в 1980-е годы[2]. Однако в этих публикациях речь шла лишь о трех ведущих партиях. На российских выборах расщепление голосов было затронуто в работе М. В. Григорьевой, однако оно касалось лишь инкумбентов[3].

[1] Майер Г. Демократические выборы и избирательная система // Государственное право Германии. Т. 1. М., 1994. С. 142–144; Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 175; Любарев А. Е. Сравнение германской и российской избирательных систем // Вопросы права и политики. 2013. № 11. С. 1–29.

[2] Jesse E. The West German electoral system: The case for reform, 1949–87 // West Eur. Politics. 1987. Vol. 10. № 3. P. 434–448; Jesse E. Split-voting in the Federal Republic of Germany: An Analysis of Federal Elections from 1953 to 1987 // Electoral Studies. 1988. 7. P. 109–124.

[3] Григорьева М. В. Действующие депутаты на выборах региональных законодательных собраний (на примере Самарской и Ульяновской областей) // Российское электоральное обозрение. 2009. № 1. С. 54–62; Григорьева М. В. Регио-

В нашей работе была предпринята попытка исследовать расщепление голосов более комплексно. Оно касалось нескольких стран (Германия, Россия, Украина), большого числа партий и выборов разных лет. Помимо общенациональных выборов исследовались и выборы регионального уровня[1].

Метод исследования основан на сравнении результатов, полученных списками и кандидатами от одной партии на одних и тех же выборах в одном и том же одномандатном избирательном округе. Результаты выражаются в проценте голосов от числа действительных бюллетеней либо от числа избирателей, принявших участие в голосовании. Это зависит от того, в каком виде проценты голосов официально представляются в той или иной стране. Выборочная проверка показала, что на общую картину и выводы указанное различие не влияет. На любых выборах анализировалась информация по партиям, от которых баллотировалось не менее трех кандидатов.

Главный показатель, использованный в предшествующих работах[2], — *индекс разрыва голосов* (vote

нальные и муниципальные депутаты на выборах законодательных собраний российских регионов: факторы успеха в условиях изменения избирательного законодательства, 2003–2011 (кросс-региональное исследование). Дисс. на соискание уч. степ. канд. полит. наук. СПб., 2013. С. 101–103.

[1] Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. Расщепление голосов в смешанных избирательных системах: попытка комплексного исследования // Социодинамика. 2015. № 8. С. 125–286.

[2] Bawn K. Voter responses to electoral complexity: ticket splitting, rational voters and representation in the Federal Republic of Germany // Br. J. Pol. Sci. 1999. Vol. 29. № 3. P. 487–505; Григорьева М. В. Действующие депутаты на выборах региональных законодательных собраний (на примере Самарской и Ульяновской областей) // Российское электоральное обозрение. 2009. № 1. С. 61; Григорьева М. В. Региональные и муниципальные депутаты на выборах законодательных

gap), ИРГ. Он вычисляется как разность между результатом кандидата и результатом партийного списка (для простоты далее будем называть его результатом партии). Этот индекс имеет положительные значения, если результат кандидата выше результата партии в этом же одномандатном округе, и отрицательные — если ниже. Индекс этот первоначально вычисляется отдельно для каждого одномандатного округа. Мы используем средние значения данного индекса — среднее арифметическое по всем одномандатным округам, в которых баллотировались кандидаты от соответствующей партии ($ИРГ_{ср}$).

Еще один показатель, использованный ранее[1], — доля одномандатных округов, в которых результат кандидата выше результата партии. Мы назвали его *индексом превосходства кандидатов* (ИПК).

Анализ показал, что распределение значений ИРГ по одномандатным округам для разных партий различается. В одних случаях оно достаточно равномерное. В иных случаях мы видим отдельных популярных кандидатов, результаты которых значительно превосходят результат партии, в то время как у большинства других кандидатов разрыв невелик или даже отрицателен. Для того чтобы различать эти случаи, мы использовали еще один показатель — *асимметрию*, который вычисляется как стандартная функция по формуле:

собраний российских регионов: факторы успеха в условиях изменения избирательного законодательства, 2003–2011 (кросс-региональное исследование). Дисс. на соискание уч. степ. канд. полит. наук. СПб., 2013. С. 101–103.

[1] Jesse E. The West German electoral system: The case for reform, 1949–87 // West Eur. Politics. 1987. Vol. 10. № 3. P. 434–448; Bawn K. Voter responses to electoral complexity: ticket splitting, rational voters and representation in the Federal Republic of Germany // Br. J. Pol. Sci. 1999. Vol. 29. № 3. P. 487–505.

$$n/[(n-1)(n-2)]*\Sigma[(x_i-x_{ср})/s]^3,$$

где n — число округов, в которых баллотировались кандидаты партии, x_i — значение ИРГ в i-м округе, $x_{ср}$ — ИРГ$_{ср}$, s — стандартное отклонение распределения значений ИРГ.

Вычисляются также *коэффициент корреляции* между результатами кандидатов и партии в разрезе одномандатных округов, а также показатель, отражающий влияние кандидатов, баллотирующихся от партии, на результат этой партии в соответствующих одномандатных округах. Этот показатель, названный нами *индексом влияния кандидатов* (ИВК), вычислялся как отношение среднего результата партии в округах, где баллотировались ее кандидаты, к среднему результату партии в округах, где у нее не было своих кандидатов[1].

Для выборов в германский бундестаг наиболее интересна динамика индексов четырех основных партий — Социал-демократической партии Германии (СДПГ), Христианско-демократического союза (ХДС), Христианско-социального союза (ХСС) и Свободной демократической партии (СвДП). Мы вычисляли индексы начиная с выборов в бундестаг 1961 года, когда сложилась система, при которой в бундестаге были представлены только эти четыре партии, причем ни одна из них не получала абсолютного большинства голосов и мандатов (система действовала до 1983 года, когда в бундестаг прорвались зеленые). Результаты кандидатов и партий счи-

[1] Аналогичный подход (но без вычисления коэффициента) использовался при анализе выборов в Государственную Думу 1995 года в работе: Яргомская Н. Б. Избирательная система и политическая фрагментация // Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000. С. 160–173.

тались в процентах от числа действительных бюллетеней.

Динамика изменений $ИРГ_{ср}$ и ИПК на выборах в бундестаг приведена в таблице 5.22. Как уже было показано ранее, СДПГ, ХДС и ХСС неизменно имели положительное значение $ИРГ_{ср}$, а СвДП — отрицательное. Это связано в основном со «стратегическим» голосованием части электората СвДП: понимая, что у кандидатов этой партии в одномандатных округах практически нет шансов победить (то есть опередить кандидатов ведущих партий — СДПГ и ХДС или ХСС), они голосовали за кандидатов этих ведущих партий[1].

Таблица 5.22. Динамика изменений индексов разрыва голосов и превосходства кандидатов основных партий на выборах в бундестаг

Год	СДПГ		ХДС		ХСС		СвДП	
	$ИРГ_{ср}$	ИПК	$ИРГ_{ср}$	ИПК	$ИРГ_{ср}$	ИПК	$ИРГ_{ср}$	ИПК
1961	0,24%	69%	0,76%	87%	0,67%	81%	-0,71%	12%
1965	0,80%	88%	1,22%	89%	1,18%	84%	-1,58%	3%
1969	1,36%	86%	0,55%	76%	0,02%	50%	-1,00%	9%
1972	2,96%	94%	0,53%	87%	0,37%	73%	-3,50%	2%
1976	1,11%	88%	0,32%	75%	0,00%	50%	-1,49%	6%
1980	1,59%	87%	1,68%	100%	0,84%	82%	-3,42%	2%
1983	2,20%	98%	3,50%	100%	2,74%	98%	-4,13%	0%
1987	2,14%	94%	3,73%	100%	2,31%	91%	-4,39%	0%

[1] Bawn K. Voter responses to electoral complexity: ticket splitting, rational voters and representation in the Federal Republic of Germany // Br. J. Pol. Sci. 1999. Vol. 29. № 3. P. 487–505; Jesse E. The West German electoral system: The case for reform, 1949–87 // West Eur. Politics. 1987. Vol. 10. № 3. P. 434–448; Jesse E. Split-voting in the Federal Republic of Germany: An Analysis of Federal Elections from 1953 to 1987 // Electoral Studies. 1988. 7. P. 109–124.

1990	1,67%	83%	1,76%	90%	2,08%	91%	-3,16%	6%
1994	1,92%	85%	3,45%	94%	3,52%	98%	-3,43%	4%
1998	2,91%	90%	4,44%	98%	4,10%	96%	-3,10%	3%
2002	3,33%	83%	2,95%	98%	0,31%	52%	-1,59%	12%
2005	4,15%	91%	5,64%	100%	5,74%	98%	-5,10%	1%
2009	4,85%	94%	5,55%	96%	5,58%	100%	-5,07%	1%
2013	3,70%	90%	3,59%	94%	4,62%	100%	-2,37%	1%

Аналогично, ИПК у СДПГ, ХДС и ХСС обычно превышал 80% (лишь у ХСС он изредка опускался до 50%), достигая иногда 100%, а у СвДП этот показатель лишь дважды достигал 12%, а в остальные годы был ниже 10%, вплоть до 0% в 1980-е годы. Динамика показателей ИРГ$_{ср}$ и ИПК весьма неровная, тем не менее видна тенденция к их повышению у СДПГ, ХДС и ХСС и к снижению у СвДП.

Уже было отмечено[1], что избиратели СвДП предпочитали голосовать за кандидатов той партии, с которой СвДП планировала вступить в коалицию. В связи с этим интересно сравнить показатели ИРГ$_{ср}$ у СДПГ и ХДС в разные годы. До 1969 года СвДП вступала в коалицию с ХДС/ХСС, и в 1961 и 1965 годах ИРГ$_{ср}$ у СДПГ ниже, чем у ХДС. В 1969–1980 годах после выборов формировалась коалиция СДПГ и СвДП, и в 1969, 1972 и 1976 годах ИРГ$_{ср}$ у СДПГ выше, чем у ХДС, а в 1980 году они примерно равны. С 1982 года СвДП вновь становится партнером ХДС/ХСС, и с 1983 года ИРГ$_{ср}$ у СДПГ вновь ниже, чем у ХДС (за исключением 2002 и 2013 годов).

[1] Jesse E. The West German electoral system: The case for reform, 1949–87 // West Eur. Politics. 1987. Vol. 10. № 3. P. 434–448; Jesse E. Split-voting in the Federal Republic of Germany: An Analysis of Federal Elections from 1953 to 1987 // Electoral Studies. 1988. 7. P. 109–124.

Асимметрия распределения значений ИРГ у этих четырех партий в большинстве случаев была по модулю менее 0,5. У СДПГ она превышала по модулю единицу только в 1961 и 1965 годах, у ХДС — только в 1961, 1969, 1972 и 1980 годах, у ХСС — только в 1965, 1987 и 2009 годах, у СвДП — только в 1969 году.

Корреляция между результатами кандидатов и партии у СДПГ, ХДС и ХСС была неизменно высокой: у СДПГ от 0,927 до 0,999, у ХДС от 0,937 до 0,998, у ХСС от 0,896 до 0,997. У СвДП в 1961 году коэффициент корреляции составил 0,985, но затем он стал снижаться и в период 1994–2013 годов составлял от 0,495 до 0,743.

Показатель ИВК у этих четырех партий отсутствует, поскольку они практически всегда выставляли своих кандидатов по всем округам, где был список партии (СДПГ и СвДП — по всем округам, ХДС — по всем округам, кроме баварских, ХСС — по всем баварским округам).

Из других партий наибольший интерес представляют зеленые, проходящие в бундестаг с 1983 года, левые (ранее — Партия демократического социализма, ПДС), представленные в большинстве созывов бундестага после объединения Германии, Национально-демократическая партия (НДП), получавшая на отдельных выборах до 4,3% голосов, Пиратская партия, получившая в 2009 и 2013 годах около 2% голосов, и «Альтернатива для Германии» (АдГ), недотянувшая в 2013 году до 5-процентного барьера всего 0,3%.

Как показал наш анализ, у НДП в 1965 и 1969 годах (на пике ее популярности) кандидаты выступали явно хуже партии, в 1972 году стало немного ровнее, а с 1976 года неизменно результаты кандидатов лучше результата партии.

У зеленых только на первых для партии выборах 1980 года и провальных для нее выборах 1990 года

кандидаты выступали явно лучше партии, а на всех выборах, где партия преодолевала 5-процентный барьер, лучше были результаты партии. В 2000-е годы, после того как зеленые образовали правительственную коалицию с СДПГ, эффект усилился; очевидно, значительная часть электората зеленых, как и электората СвДП, в одномандатных округах стала применять «стратегическое» голосование.

У ПДС и левых значения $ИРГ_{ср}$ ни разу не превысили по модулю 1% — электорат голосует в основном одинаково по персональному и по партийному бюллетеням (партия идеологизированная и в коалиции не вступает). Тем не менее в 2005 году, после объединения ПДС с левыми социал-демократами, положительные значения $ИРГ_{ср}$ сменились отрицательными, а также снизились значения ИПК.

У Пиратской партии в 2009 году и «Альтернативы для Германии» в 2013 году кандидаты выступили хуже партии. В 2013 году кандидаты Пиратской партии уже стали выступать лучше самой партии. Вероятно, здесь играет роль эффект «новичка»: партия успевает завоевать в ходе кампании относительную популярность, а кандидаты от нее отстают.

Высокие значения асимметрии характерны для ПДС и левых, позиции которых в восточных землях значительно сильнее, чем в западных. Также у ПДС оказались высокие значения ИВК, поскольку эта партия выдвигала кандидатов преимущественно в восточных землях. После объединения с левыми социал-демократами значения этого показателя существенно снизились. У зеленых асимметрия заметно выросла на выборах 2005 года и продолжает расти.

Что касается партий-аутсайдеров, то для них характерны положительные значения $ИРГ_{ср}$ и высокие (часто 100%) значения ИПК. Так, на выборах 2013 года из 11 партий, получивших 0,3% и менее и выдвинув-

ших более двух одномандатников, 100-процентные значения ИПК имели шесть, остальные пять — от 67 до 98%.

Поскольку в 1990 году произошло объединение Германии, интересно было сравнить, насколько различалось поведение избирателей в 10 западных и 5 восточных землях (Берлин мы не включали ни в западную, ни в восточную часть). Оказалось, что у ХДС и СвДП модуль значения $ИРГ_{ср}$ на западе всегда был больше, чем на востоке. У СДПГ, левых и зеленых ситуация менее однозначная. У СДПГ в 1998 году значение $ИРГ_{ср}$ на западе оказалось меньше, чем на востоке, а на следующих выборах этот показатель на востоке резко снизился до отрицательного значения. У ПДС, напротив, в 2002 году значение $ИРГ_{ср}$ на востоке оказалось положительным и довольно высоким. Учитывая, что в 2002 году ПДС не преодолела 5-процентный барьер, эти цифры свидетельствуют, скорее всего, о «стратегическом» голосовании сторонников ПДС на востоке за список СДПГ. У зеленых только в 1994 году значение $ИРГ_{ср}$ на востоке было положительным[1].

Данные об итогах голосования на выборах в Государственную Думу 1995, 1999 и 2003 годов взяты из официальных сборников электоральной статистики, издаваемых ЦИК России[2]. Результаты кандида-

[1] Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. Расщепление голосов в смешанных избирательных системах: попытка комплексного исследования // Социодинамика. 2015. № 8. С. 125–286.

[2] Выборы депутатов Государственной Думы. 1995: Электоральная статистика. М., 1996. С. 103–144, 163–198; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 1999: Электоральная статистика. М., 2000. С. 138–171, 182–208; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 2003: Электоральная статистика. М., 2004. С. 155–190, 199–230.

тов и партий считались в процентах от числа избирателей, принявших участие в голосовании.

В таблице 5.23 приведены значения показателей ИРГ$_{ср}$, ИПК и асимметрии на выборах в Государственную Думу 1995 года для всех партий и блоков, выдвигавших не менее трех одномандатников.

Таблица 5.23. Показатели расщепления голосов избирательных объединений и блоков на выборах в Государственную Думу 1995 года

Партия (блок)	Доля голосов	Число кандидатов	ИРГ$_{ср}$	ИПК	Асимметрия
КПРФ	22,30%	130	-1,99%	34%	-0,58
ЛДПР	11,18%	188	-4,79%	5%	-0,45
«Наш дом — Россия»	10,13%	104	2,53%	61%	0,80
«Яблоко»	6,89%	69	0,85%	49%	1,44
«Женщины России»	4,61%	20	5,11%	80%	1,89
КТР — СС	4,53%	64	1,38%	59%	1,21
Конгресс русских общин	4,31%	90	1,48%	41%	2,86
ПСТ	3,98%	27	0,37%	33%	2,43
ДВР — ОД	3,86%	77	3,38%	70%	1,37
Аграрная партия России	3,78%	87	9,05%	92%	1,59
«Держава»	2,57%	25	-0,49%	40%	-1,95
«Вперед, Россия!»	1,94%	67	2,57%	72%	2,78
«Власть — народу!»	1,61%	40	7,33%	93%	2,09
ПГВЛ	1,60%	33	2,93%	88%	2,40
«Союз труда»	1,55%	41	3,19%	90%	1,91
«Кедр»	1,39%	19	3,56%	100%	1,05
Блок Ивана Рыбкина	1,11%	63	4,79%	97%	4,11
Блок Станислава Говорухина	0,99%	25	4,23%	96%	1,93

«Мое Отечество»	0,72%	18	4,53%	83%	1,79
«Общее дело»	0,68%	7	6,52%	100%	2,54
Партия любителей пива	0,62%	11	0,95%	100%	0,08
«Нур» («Свет»)	0,57%	6	-4,16%	67%	-1,62
«Преображение Отечества»	0,49%	15	1,85%	87%	2,63
Блок Джуны	0,47%	3	3,84%	100%	-0,15
ПРЕС	0,36%	23	3,42%	100%	3,25
Ассоциация адвокатов России	0,35%	15	1,80%	100%	0,68
«За Родину!»	0,28%	11	3,98%	100%	0,86
ХДС — ХР	0,28%	13	2,16%	100%	0,44
Блок Дикуля	0,21%	7	2,06%	86%	0,77
«Народный союз»	0,19%	15	1,18%	100%	0,72
«Тихонов — Туполев — Тихонов»	0,15%	5	2,88%	100%	2,14
СРЖКХ	0,14%	6	4,42%	100%	0,91
«Социал-демократы»	0,13%	30	2,41%	97%	2,23
Партия экономической свободы	0,13%	15	4,27%	100%	1,38
РОД	0,12%	18	3,33%	94%	2,65
ФДД	0,12%	11	2,35%	91%	3,01
«Стабильная Россия»	0,12%	18	2,58%	100%	0,60
«Блок независимых»	0,12%	17	6,77%	100%	2,88
«Дума-96»	0,08%	14	2,24%	100%	0,72
«Межнациональный Союз»	0,06%	9	5,92%	100%	2,68
«Поколения рубежа»	0,06%	5	0,84%	100%	0,82
«89 (89 регионов России)»	0,06%	6	9,26%	100%	1,03

Сокращения: ДВР — ОД — избирательный блок «Демократический выбор России — Объединенные демократы», КТР — СС — избирательный блок «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз», ПГВЛ — избирательный блок «Памфилова — Гуров — Владимир Лысенко», ПРЕС — Партия российского

единства и согласия, ПСТ — Партия самоуправления трудящихся, РОД — Российское общенародное движение, СРЖКХ — Союз работников жилищно-коммунального хозяйства, ФДД — Федерально-демократическое движение, ХДС — ХР — «Христианско-демократический союз — Христиане России».

По показателям ИРГ$_{ср}$ и ИПК все избирательные объединения и блоки можно разделить на пять категорий. К первой категории мы отнесли ЛДПР, у которой результаты партии явно лучше результатов кандидатов (ИРГ$_{ср}$ –4,79%, ИПК 5%). Ко второй категории относятся КПРФ и «Держава», у которых результаты партии также лучше результатов кандидатов, но не столь резко, как у ЛДПР (ИРГ$_{ср}$ –1,99% и –0,49%, ИПК 34% и 40%). Третья категория — партии, результаты которых близки к результатам кандидатов или у которых значения ИРГ$_{ср}$ и ИПК имеют противоположный характер (положительные значения ИРГ$_{ср}$ и ИПК менее 50%). В эту категорию попадают «Яблоко», Конгресс русских общин и Партия самоуправления трудящихся. К четвертой категории относятся избирательные объединения и блоки, у которых результаты немного хуже результатов кандидатов, — движение «Наш дом — Россия» и избирательный блок «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз» (ИРГ$_{ср}$ 2,53% и 1,38%, ИПК 61% и 59%).

Большая часть избирательных объединений и блоков относится к пятой категории: результаты партии явно хуже результатов кандидатов. Среди них — ряд объединений и блоков, получивших средние результаты («Женщины России», блок «Демократический выбор России — Объединенные демократы», Аграрная партия России), и все партии-аутсайдеры. Отметим, что у 18 из них значение ИПК равно 100%, то есть все

их кандидаты получили лучший результат, чем партия в соответствующем одномандатном округе.

Высокая степень асимметрии обычно означает, что небольшое число кандидатов (чаще всего один) получили высокие результаты, в то время как основная часть кандидатов довольствовалась результатами, близкими к низким результатам партии. Так, у Блока Ивана Рыбкина А. Н. Чилингаров получил 59,9%, сам И. П. Рыбкин — 29,1%, В. А. Брынцалов — 26,6%, в то время как средний результат кандидатов — 6,6%. Лидер Партии российского единства и согласия С. М. Шахрай получил 28,8% при среднем результате кандидатов этой партии 4,0%.

Похожая ситуация была и на выборах 1999 года (см. таблицу 5.24). Самое низкое значение ИПК (9%) — у Блока Жириновского. Здесь следует сделать оговорку: в связи с тем, что список ЛДПР получил отказ в регистрации, по единому округу в выборах участвовал Блок Жириновского, в то время как в одномандатных округах баллотировались кандидаты от ЛДПР. Мы тем не менее рассматривали их как представителей одной партии.

Таблица 5.24. Показатели расщепления голосов избирательных объединений и блоков на выборах в Государственную Думу 1999 года

Партия (блок)	Доля голосов	Число кандидатов	$ИРГ_{ср}$	ИПК	Асимметрия
КПРФ	24,29%	129	-3,34%	21%	2,11
«Медведь»	23,32%	31	-9,48%	13%	1,83
«Отечество — Вся Россия»	13,33%	91	3,37%	55%	0,88

Союз правых сил	8,52%	66	-0,23%	45%	0,64
Блок Жириновского (ЛДПР)	5,98%	89	-2,86%	9%	2,26
«Яблоко»	5,93%	114	2,68%	65%	2,14
КТР — СС	2,22%	20	2,48%	70%	0,55
«Женщины России»	2,04%	12	6,52%	100%	1,12
Партия пенсионеров	1,95%	28	3,50%	71%	1,78
«Наш дом — Россия»	1,19%	90	5,66%	91%	2,55
КРО и ДЮБ	0,61%	45	2,71%	87%	3,61
Сталинский блок за СССР	0,61%	7	1,83%	100%	2,35
«За гражданское достоинство»	0,60%	13	2,82%	92%	1,38
«В поддержку армии»	0,58%	20	6,64%	95%	1,74
«Мир. Труд. Май»	0,57%	18	1,26%	83%	2,39
БГАНАСФ	0,56%	68	2,51%	94%	2,70
Российский общенародный союз	0,37%	28	7,09%	100%	1,70
Русская социалистическая партия	0,24%	63	3,53%	94%	2,68
«Русское дело»	0,17%	10	2,12%	100%	1,74
«Духовное наследие»	0,10%	107	1,75%	100%	6,95
Социалистическая партия России	0,09%	6	1,50%	100%	0,35
«Социал-демократы»	0,08%	5	1,05%	100%	1,33

Сокращения: БГАНАСФ — Блок генерала Андрея Николаева, академика Святослава Федорова, КРО и ДЮБ — избирательный блок «Конгресс русских общин и Движение Юрия Болдырева», КТР — СС — избирательный блок «Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз».

К избирательным объединениям и блокам первой категории (результаты партии явно лучше результатов кандидатов) следует отнести также блок «Мед-

ведь» с рекордно низким значением $ИРГ_{ср}$ (–9,48%) и КПРФ, у которой значения $ИРГ_{ср}$ и ИПК снизились по сравнению с 1995 годом и составили соответственно –3,34% и 21%.

Единственный список, у которого результаты в среднем близки к результатам кандидатов, — список избирательного блока Союз правых сил ($ИРГ_{ср}$ –0,23%, ИПК 45%).

В группу избирательных объединений и блоков, у которых результаты заметно хуже результатов кандидатов, следует отнести «Яблоко», Партию пенсионеров, а также избирательные блоки «Отечество — Вся Россия» и «Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз» ($ИРГ_{ср}$ от 2,5 до 3,5%, ИПК от 55 до 71%).

К последней группе (результаты партии намного хуже результатов кандидатов) относятся «Женщины России», «Наш дом — Россия» и все аутсайдеры. Значения ИПК в этой группе 83% и выше, причем у семи избирательных объединений и блоков оно равно 100%.

Высокая степень асимметрии у некоторых объединений и блоков также свидетельствует об успешном выступлении единичных кандидатов. Так, кандидат от движения «Духовное наследие» В. П. Воротников получил 28,7%, в то время как в среднем кандидаты от этого движения довольствовались 1,9%.

На выборах 2003 года у ЛДПР по-прежнему результаты партии явно лучше результатов кандидатов: значение $ИРГ_{ср}$ достигло –8,09%, а значение ИПК снизилось до 1% (см. таблицу 5.25). В эту же группу попадает Концептуальная партия «Единение», которая получила неожиданно высокий для никому не известной партии результат (1,2%) за счет того, что ее путали с «Единой Россией» (тем более что ей достался первый номер в бюллетене).

Таблица 5.25. Показатели расщепления голосов партий и блоков на выборах в Государственную Думу 2003 года

Партия (блок)	Доля голосов	Число кандидатов	$ИРГ_{ср}$	ИПК	Асимметрия
«Единая Россия»	37,57%	137	-0,80%	48%	-0,34
КПРФ	12,61%	170	1,42%	46%	3,64
ЛДПР	11,45%	172	-8,09%	1%	0,08
«Родина»	9,02%	49	3,16%	43%	2,16
«Яблоко»	4,30%	89	1,97%	49%	2,60
Союз правых сил	3,97%	90	3,08%	66%	3,17
Аграрная партия России	3,64%	60	1,50%	37%	3,54
РПП и ПСС	3,09%	25	0,85%	40%	1,65
ПВР — РПЖ	1,88%	98	3,72%	72%	2,74
Народная партия РФ	1,18%	45	19,50%	96%	0,81
«Единение»	1,17%	4	-0,26%	0%	-0,75
НК — АР	0,84%	10	5,52%	70%	0,90
«За Русь Святую»	0,49%	11	1,53%	100%	1,86
«Зеленые»	0,42%	7	3,31%	100%	2,54
«Развитие предпринимательства»	0,35%	14	5,79%	100%	3,11
ВР — ЕС	0,28%	60	2,24%	95%	1,30
«Русь»	0,24%	122	1,46%	97%	3,36
Демократическая партия России	0,22%	8	3,06%	100%	2,22
СЛОН	0,18%	3	1,61%	100%	1,54

Сокращения: ВР — ЕС — избирательный блок «Великая Россия — Евразийский Союз», НК — АР — избирательный блок «Новый курс — Автомобильная Россия», ПВР — РПЖ — избирательный блок «Партия возрождения России — Российская партия жизни», РПП

и ПСС — избирательный блок «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости».

«Единую Россию», КПРФ, «Родину», «Яблоко», Аграрную партию России, а также избирательный блок «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости» можно отнести ко второй группе. У них значение ИПК меньше 50% (от 37 до 49%), значение $ИРГ_{ср}$ у «Единой России» отрицательное и небольшое –0,80%, а у остальных положительное (от 0,85 до 3,16%).

Третью группу составляют Союз правых сил и избирательный блок «Партия возрождения России — Российская партия жизни», у которых результаты заметно хуже результатов кандидатов ($ИРГ_{ср}$ 3,08% и 3,72%, ИПК 66% и 72%).

И, как обычно, у аутсайдеров результаты партии намного хуже результатов кандидатов (у пяти значение ИПК равно 100%).

По результатам трех думских кампаний можно сделать вывод, что низкие значения показателей $ИРГ_{ср}$ и ИПК характерны для лидерских и идеологических партий — избиратели охотнее голосуют за список такой партии, поддерживая соответствующую идею или лидера, чем за кандидатов от нее, которые часто малоизвестны. Партии, которые менее идеологизированы и включают нескольких известных политиков, занимают промежуточное положение. Партии-аутсайдеры имеют высокие значения указанных индексов независимо от своего характера — в этом отношении Россия схожа с Германией.

Показатели корреляции и ИВК наиболее интересны для партий, выдвигавших большое число (более 45) одномандатников. В таблице 5.26 приведены данные показатели для таких партий по всем трем кампаниям.

Таблица 5.26. Индекс влияния кандидатов и показатель корреляции на выборах в Государственную Думу 1995, 1999 и 2003 годов

Партия	ИВК	Корреляция
Выборы 1995 года		
КПРФ	1,24	0,589
ЛДПР	1,19	0,753
«Наш дом — Россия»	0,89	0,521
«Яблоко»	1,71	0,631
КТР — СС	1,15	0,645
Конгресс русских общин	1,56	0,512
ДВР — ОД	1,62	0,591
Аграрная партия России	1,77	0,737
«Вперед, Россия!»	1,50	0,450
Блок Ивана Рыбкина	1,91	0,830
Выборы 1999 года		
КПРФ	1,19	0,607
«Отечество — Вся Россия»	1,63	0,672
Союз правых сил	1,29	0,575
ЛДПР (Блок Жириновского)	1,02	0,508
«Яблоко»	1,31	0,494
«Наш дом — Россия»	1,21	0,754
КРО и ДЮБ	2,19	0,647
БГАНАСФ	1,28	0,369
Русская социалистическая партия	1,89	0,760
«Духовное наследие»	1,62	0,615
Выборы 2003 года		
«Единая Россия»	1,06	0,599
КПРФ	1,18	0,520
ЛДПР	1,22	0,375
«Родина»	1,18	0,718
«Яблоко»	1,24	0,737

Союз правых сил	1,13	0,366
Аграрная партия России	1,92	0,612
ПВР — РПЖ	1,24	0,746
Народная партия РФ	1,62	0,284
«Великая Россия — Евразийский Союз»	3,15	0,054
«Русь»	1,05	0,343

Сокращения: БГАНАСФ — Блок генерала Андрея Николаева, академика Святослава Федорова, ДВР — ОД — избирательный блок «Демократический выбор России — Объединенные демократы», КРО и ДЮБ — избирательный блок «Конгресс русских общин и Движение Юрия Болдырева», КТР — СС — избирательный блок «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз», ПВР — РПЖ — избирательный блок «Партия возрождения России — Российская партия жизни».

Как видно из таблицы, корреляция между результатами партии и кандидатов почти во всех случаях значимая (для 45 точек и 5-процентного уровня критическое значение коэффициента корреляции равно 0,294), но все же невысокая — в основном ниже, чем в Германии. Незначимой можно считать лишь корреляцию для Народной партии РФ и блока «Великая Россия — Евразийский Союз».

Значения ИВК в большинстве случаев выше единицы, то есть средние результаты партии выше в тех округах, где у партии были кандидаты-одномандатники. Исключение — «Наш дом — Россия» в 1995 году. В целом видно, что значения ИВК невысокие у партий с привлекательным брендом — идеологических, лидерских, а также «партий власти» (КПРФ, ЛДПР, «Наш дом — Россия», «Единая Россия», «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз») и более высокие у партий и блоков с

аморфной идеологией, но включавших ряд сильных кандидатов (Аграрная партия России, Блок Ивана Рыбкина, «Конгресс русских общин и Движение Юрия Болдырева», Народная партия РФ, «Великая Россия — Евразийский Союз»).

Мы также вычислили отдельно все пять показателей для совокупности краев и областей (157 одномандатных округов) — данная совокупность электорально более однородна, чем Российская Федерация в целом. Результаты для партий, выдвигавших большое число кандидатов, отличаются мало. Наиболее существенные отличия касаются: для выборов 1995 года — движения «Наш дом — Россия» (по сравнению с Россией в целом асимметрия выросла с 0,80 до 2,12) и КПРФ (асимметрия изменилась с –0,58 на 0,02), для выборов 1999 года — блока «Отечество — Вся Россия» (корреляция снизилась с 0,672 до 0,320), Блока Жириновского (асимметрия снизилась с 2,26 до 0,50) и Блока генерала Андрея Николаева, академика Святослава Федорова (корреляция снизилась с 0,369 до 0,117), для выборов 2003 года — блока «Великая Россия — Евразийский Союз» (асимметрия выросла с 1,30 до 3,09, а корреляция с 0,054 до 0,698).

В отношении выборов в законодательные органы субъектов РФ мы решили ограничиться регионами, где выборы по смешанной системе с использованием одномандатных округов успели за период 2003–2014 годов пройти трижды. Таких регионов всего 16, однако три из них, где «Единая Россия» имела аномально высокие результаты (республики Мордовия, Татарстан и Тыва), мы исключили из рассмотрения.

Таким образом, проанализированы 39 кампаний в 13 регионах — республики Алтай, Марий Эл и Хакасия, Алтайский, Забайкальский и Хабаровский края, Архангельская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Иркутская, Ульяновская и Ярославская обла-

сти. Данная выборка охватывает республики, края и области, регионы, относящиеся к 6 из 8 федеральных округов (кроме Уральского и Северо-Кавказского). Анализируемые кампании проходили практически ежегодно (кроме 2007 и 2012 годов).

Из всех политических партий в большинстве указанных кампаний участвовали в выборах по пропорциональной системе и одновременно имели не менее трех кандидатов в одномандатных округах только четыре нынешние парламентские партии — «Единая Россия» (все 39 кампаний), КПРФ (37, не учитывается ее участие в составе избирательных блоков), ЛДПР (37) и «Справедливая Россия» (24; хотя формально эта партия до 2006 года существовала под именем «Родина», мы учитывали только ее участие в выборах под новым именем). Другие партии участвовали в значительно меньшем числе кампаний: «Патриоты России» в 9; «Яблоко» в 8; Российская экологическая партия «Зеленые», воссозданная в 2012 году, в 7; «Родина», существовавшая в 2004–2006 годах, в 6, а «Родина», созданная в 2012 году, в 9; Аграрная партия России, существовавшая в 2003–2008 годах, в 10; остальные партии — еще меньше. Результаты кандидатов и партий считались в процентах от числа действительных бюллетеней.

Оказалось, что есть регионы, где во всех трех кампаниях значение $ИРГ_{ср}$ у «Единой России» было отрицательным (Республика Алтай, Хабаровский край, Брянская область). Также есть один регион (Республика Марий Эл), где во всех трех кампаниях значение этого индекса положительное. В большинстве же регионов знак данного показателя менялся.

При этом в первом цикле (2003–2006 годы) положительных и отрицательных значений было примерно поровну (7 положительных и 6 отрицательных), во втором цикле (2008–2010 годы), когда поддержка

«Единой России» была максимальной, преобладали отрицательные значения (11 из 13), а в третьем цикле (2011–2014 годы) больше положительных значений (8 из 13), причем большая часть отрицательных значений (4 из 5) получена в 2014 году, когда поддержка «Единой России» вновь выросла.

Стоит также обратить внимание на значения ИВК. Этот показатель нельзя было определить в нескольких кампаниях, где «Единая Россия» выдвигала кандидатов во всех одномандатных округах. Там же, где значение ИВК можно было подсчитать, оно оказалось невысоким (максимум 1,41) и в 10 случаях из 26 меньше единицы; иными словами, наличие кандидата в округе мало способствовало или совсем не способствовало успеху партии. Невысокой в большинстве случаев была и корреляция результатов партии с результатами кандидатов (в 15 случаях из 39 меньше 0,5).

У КПРФ также есть регионы, где во всех трех кампаниях значение ИРГ$_{ср}$ было отрицательным (Республика Алтай, Иркутская область) и где оно трижды было положительным (Хабаровский край, Волгоградская и Ярославская области). В большинстве же регионов этот показатель менял знак. Что касается динамики, то она более монотонна, чем у «Единой России»: в первом цикле преобладали отрицательные значения (8 из 11), во втором положительных и отрицательных значений было примерно поровну (6 и 7), а в третьем преобладали положительные значения (10 из 13).

Значение ИВК у КПРФ, как и у «Единой России», обычно было невысоким (максимум 1,85) и в 8 случаях из 36 оказывалось меньше единицы. В то же время значения коэффициента корреляции отличались большим разнообразием: в одних случаях они оказывались довольно высокими (близкими к 1), в

13 случаях из 37 менее 0,5, а в двух случаях — даже отрицательными.

Гораздо более единообразны показатели расщепления голосов ($ИРГ_{ср}$ и ИПК) у ЛДПР. Значения $ИРГ_{ср}$ в большинстве случаев отрицательные (исключений 6 из 37), а значения ИПК — не более 50% (исключение всего одно), при этом ни разу одновременно не было положительного значение $ИРГ_{ср}$ и значения ИПК выше 50%. Это совпадает с приведенными выше данными по выборам в Государственную Думу — как на федеральных, так и на региональных выборах ЛДПР выступает лучше, чем ее кандидаты.

Значение ИВК у ЛДПР, как и у «Единой России» и КПРФ, чаще всего было невысоким (максимум 1,80) и в 7 случаях из 36 оказывалось меньше единицы. Значения коэффициента корреляции в одних случаях оказывались довольно высокими (близкими к 1), в 15 случаях из 37 менее 0,5, а в двух случаях — даже отрицательными.

У «Справедливой России» ситуация в отношении расщепления голосов противоположная: во всех 24 кампаниях значения $ИРГ_{ср}$ положительные, а значения ИПК лишь в двух случаях были ниже 50% (45 и 48%). Иными словами, кандидаты от «Справедливой России» выступали на региональных выборах лучше, чем сама партия.

Значение ИВК у «Справедливой России» лишь в четырех кампаниях из 23 было ниже единицы, а максимальное достигло 2,26. Коэффициент корреляции только в 6 кампаниях из 24 был ниже 0,5. Таким образом, у этой партии наличие одномандатников помогало успеху партии.

Что касается других партий, то у Аграрной партии России, «Патриотов России» и РЭП «Зеленые» все значения $ИРГ_{ср}$ положительные. У партии «Яблоко» лишь в одном случае (относящемся к 2003 году)

из восьми оно отрицательное. У «старой» партии «Родина» (2004–2006 годы) значение $ИРГ_{ср}$ отрицательное в трех случаях из шести, а у партии «Родина», созданной в 2012 году, только в одном случае из девяти.

По ИВК рекорд (5,51) принадлежит партии «Демократический выбор» на выборах в Ярославскую областную Думу 2013 года; немного ниже (5,33) был этот показатель у партии «Родина» на выборах в Законодательное Собрание Иркутской области 2013 года[1].

По Украине мы анализировали выборы в Верховную Раду 2012 и 2014 годов. Сравнение этих выборов интересно тем, что они проходили в одной и той же институциональной среде (основные параметры избирательной системы не изменялись), но в совершенно разных политических условиях и с сильно измененным набором партий[2]. Результаты кандидатов и партий считались в процентах от числа действительных бюллетеней.

В кампании 2012 года в пяти одномандатных округах результаты мажоритарных выборов были отменены. С другой стороны, в кампании 2014 года не проводились выборы в Крыму, Севастополе и во многих одномандатных округах Донецкой и Луганской областей, а в остальных одномандатных округах этих областей была крайне низкая явка. В связи с этим для корректности сравнения двух кампаний мы по выборам 2012 года вычисляли показатели как для полного набора из 225 одномандатных округов, так

[1] Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. Расщепление голосов в смешанных избирательных системах: попытка комплексного исследования // Социодинамика. 2015. № 8. С. 125–286.

[2] Борисов Н. А. Институциональные новации в партийной и избирательной системах Украины в 2012–2014 гг. // Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции. М., 2015. С. 38–48.

и для сокращенного набора — исключены все округа, входящие в Автономную Республику Крым, Донецкую и Луганскую области, Севастополь, а также пять округов, где результаты выборов одномандатников были отменены (176 округов).

Показатели расщепления голосов для этой совокупности представлены в таблице 5.27. Сразу отметим, что они в основном не сильно отличаются от показателей, вычисленных для всех 225 округов. Наиболее существенные различия у Русского блока, который выдвигал половину кандидатов в исключенных округах. Из других различий стоит отметить Партию регионов, у которой по всей совокупности значение $ИРГ_{ср}$ составило 0,50%, а по сокращенной — 1,51%.

Таблица 5.27. Показатели расщепления голосов партий и блоков на выборах в Верховную Раду 2012 года (без Крыма, Севастополя, Донецкой и Луганской областей, а также пяти одномандатных округов, где результаты выборов были отменены)

Партия	Доля голосов	Число кандидатов	$ИРГ_{ср}$	ИПК	Асимметрия
«Батьковщина»	29,87%	115	-1,45%	41%	0,22
Партия регионов	23,12%	156	1,51%	53%	-0,06
УДАР	15,93%	137	-3,43%	23%	1,18
«Свобода»	12,61%	31	10,44%	87%	0,23
Коммунистическая партия Украины	11,38%	171	-4,98%	5%	-0,44
«Украина — вперед!»	1,56%	84	0,36%	40%	5,03
«Наша Украина»	1,32%	22	0,40%	55%	1,22

Радикальная партия Олега Ляшко	1,21%	20	1,20%	50%	4,04
Партия пенсионеров Украины	0,56%	5	0,28%	80%	0,28
Социалистическая партия Украины	0,50%	46	1,73%	96%	3,20
Партия зеленых Украины	0,33%	5	1,07%	100%	0,31
«Зеленая планета»	0,33%	8	0,70%	75%	1,75
«Зеленые»	0,23%	8	1,13%	100%	2,27
Русский блок	0,20%	5	1,10%	100%	-1,06
«Украина будущего»	0,20%	17	1,71%	100%	0,91
«Родная отчизна»	0,17%	3	0,44%	67%	1,01
«Новая политика»	0,11%	15	0,57%	100%	0,96
«Громада»	0,10%	3	1,31%	100%	-0,36
Украинская национальная ассамблея	0,09%	5	0,48%	100%	0,44
Либеральная партия Украины	0,08%	3	0,87%	100%	1,03

Как видно из таблицы, картина в целом похожа на российскую. В группу, где результаты партии явно лучше результатов кандидатов, попадают Коммунистическая партия Украины, УДАР и «Батьковщина» (то есть идеологические и лидерские). К группе с близкими результатами партии и кандидатов можно отнести Партию регионов, Радикальную партию Олега Ляшко, партии «Украина — вперед!» и «Наша Украина». У партия «Свобода» и у всех партий, получивших менее 1%, результаты кандидатов явно лучше результатов партии. Высокая асимметрия у партии «Украина — вперед!», где один из кандидатов получил 21,2% при среднем результате кандидатов 2,1%, и у Радикальной партии Олега Ляшко, лидер которой получил 55,8% при среднем результате кандидатов 4,1%.

Для выборов в Верховную Раду 2014 года (181 одномандатный округ, без Донецкой и Луганской областей) показатели расщепления голосов показаны в таблице 5.28. В первую очередь обращают на себя внимание показатели двух лидировавших партий. Если у Блока Петра Порошенко результаты кандидатов явно лучше результатов партии, то у Народного фронта — наоборот. По-видимому, значительная часть избирателей голосовала за список Народного фронта и кандидатов Блока Петра Порошенко.

Таблица 5.28. Показатели расщепления голосов партий и блоков на выборах в Верховную Раду 2014 года (без Донецкой и Луганской областей)

Партия	Доля голосов	Число кандидатов	$ИРГ_{ср}$	ИПК	Асимметрия
Народный фронт	22,76%	115	-6,97%	24%	0,25
Блок Петра Порошенко	22,00%	130	5,44%	65%	0,78
«Самопомощь»	11,21%	11	1,99%	73%	2,04
Оппозиционный блок	8,34%	86	-4,11%	9%	-1,85
Радикальная партия Олега Ляшко	7,58%	155	-3,16%	14%	0,53
«Батьковщина»	5,83%	143	1,88%	59%	2,01
«Свобода»	4,84%	24	10,41%	96%	1,05
Коммунистическая партия Украины	3,63%	101	-1,20%	29%	-1,27
«Гражданская позиция»	3,18%	10	2,15%	70%	0,62
«Сильная Украина»	2,91%	100	-0,31%	39%	0,80
«Заступ»	2,74%	37	1,82%	68%	3,55
«Правый сектор»	1,83%	35	3,31%	97%	4,40
«Солидарность женщин Украины»	0,64%	7	0,64%	86%	-0,31

«5.10»	0,43%	3	1,02%	100%	0,25
Интернет-партия Украины	0,37%	4	1,98%	100%	1,09
«Зеленая планета»	0,23%	18	1,07%	100%	0,82
«Новая политика»	0,12%	7	1,25%	100%	1,65
«Сила людей»	0,11%	14	3,56%	100%	1,91
Блок левых сил Украины	0,08%	41	1,09%	100%	1,13
Национально-демократическая партия Украины	0,07%	10	0,79%	100%	1,93
Конгресс украинских националистов	0,06%	8	3,69%	100%	2,22
Либеральная партия Украины	0,05%	37	1,20%	100%	3,24

В группу партий, у которых результаты явно лучше результатов кандидатов, попадают также Оппозиционный блок, Радикальная партия Олега Ляшко, Коммунистическая партия Украины и «Сильная Украина». А у «Самопомощи», «Батьковщины», «Свободы», «Гражданской позиции», «Заступа» и всех партий, получивших менее 2%, результаты кандидатов лучше. Самая высокая асимметрия у «Правого сектора», лидер которого получил 30,3% при среднем результате кандидатов 5,3%.

Показатели корреляции и ИВК по обеим кампаниям приведены в таблице 5.29 для партий, выдвигавших большое число (более 45) одномандатников. Корреляция между результатами кандидатов и партий не слишком высокая, особенно для выборов 2014 года. Любопытно, что значения ИВК для большинства партий не очень высокие, то есть наличие в округе кандидата мало помогало успеху партии. А у Оппозиционного блока ИВК ниже единицы, то есть может показаться, будто его кандидаты оказались настолько непопулярны (средний их результат 3%), что мешали партии привлекать голоса в поддержку

ее списка. На самом деле здесь все сложнее, что станет ясно из дальнейшего анализа.

Таблица 5.29. Индекс влияния кандидатов и показатель корреляции на выборах в Верховную Раду 2012 и 2014 годов

Партия	ИВК	Корреляция
Выборы 2012 года (без Крыма и Донбасса)		
«Батьковщина»	1,13	0,659
Партия регионов	1,17	0,858
УДАР	1,13	0,581
Коммунистическая партия Украины	1,12	0,851
«Украина — вперед!»	1,19	0,494
Социалистическая партия Украины	1,68	0,593
Выборы 2014 года (без Донбасса)		
Народный фронт	1,06	0,443
Блок Петра Порошенко	1,01	0,533
Оппозиционный блок	0,60	0,650
Радикальная партия Олега Ляшко	1,08	0,302
«Батьковщина»	1,18	0,332
Коммунистическая партия Украины	1,14	0,781
«Сильная Украина»	1,29	0,686

Поскольку Украина электорально очень неоднородна, мы вычислили те же показатели для отдельных электорально-географических кластеров. В первый кластер, «Крым и Донбасс», входят Крым, Севастополь, Донецкая и Луганская области, для него есть данные только по выборам 2012 года. Второй кластер, «Юг и Восток», — Днепропетровская, Запорожская, Николаевская, Одесская, Харьковская и Херсонская области. Третий кластер, «Буфер», — Кировоградская, Полтавская, Сумская и Черниговская области. Четвертый кластер, «Запад», — Винницкая, Волынская, Житомирская, Закарпатская, Киевская,

Ровенская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая области и Киев. Пятый кластер, «Галиция», — Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская области.

В 2012 году наибольшие географические различия в исследуемых нами показателях зафиксированы для двух основных партий — «Батьковщины» и Партии регионов. В 2014 году — также для «Батьковщины» и Оппозиционного блока (который можно рассматривать как политического преемника Партии регионов).

В 2012 году кандидаты от «Батьковщины» были успешнее партии не только в южных и восточных регионах, где у партии были низкие результаты, но и в Галиции. А в регионах центра и большей части запада, напротив, результаты партии оказались выше. В 2014 году, когда поддержка партии заметно снизилась, она опережала своих кандидатов только в «буферном» кластере. Стоит также отметить отсутствие в 2014 году корреляции между результатами партии и ее кандидатов в западных регионах.

У Партии регионов в 2012 году картина, по сути, противоположная. Кандидаты выступили успешнее партии в большинстве регионов юга, востока и центра, где у партии были хорошие, но не самые высокие результаты. Напротив, партия имела лучшие результаты, чем ее кандидаты, в неблагоприятных для нее западных регионах, а также в тех регионах, где ее поддержка была особенно высока. Отметим также, что в Галиции у нее ИВК ниже единицы, то есть наличие кандидата в округе не повышало результат партии.

У Оппозиционного блока в 2014 году результаты кандидатов были выше результатов партии только в Галиции. Выше мы уже отмечали, что в целом по стране ИВК партии был ниже единицы. Оказалось, что такое значение ИВК получается только в кластере

«Юг и Восток», где у партии был наибольший успех. Этот странный факт потребовал дополнительного анализа. Выяснилось, что из шести областей этого кластера ИВК меньше единицы у Оппозиционного блока в трех — Днепропетровской, Одесской и Харьковской. Именно в этих областях наиболее успешны были самовыдвиженцы — бывшие депутаты от Партии регионов. Поэтому кандидаты от Оппозиционного блока были вынуждены конкурировать со своими бывшими однопартийцами, и это, по-видимому, снижало результат партии — она в округах, где у нее были кандидаты, не воспринималась как главная оппозиционная сила[1].

Далее мы попытались оценить уровень расщепления голосов в избирательной кампании в целом. Для этого мы использовали два показателя. Первый показатель — общий индекс расщепления голосов (ОИРГ), который позволяет оценить общую долю избирателей, голосовавших за список одной партии и за кандидатов от другой партии или непартийных кандидатов. Этот показатель считался следующим образом. В каждом одномандатном округе сравнивались доли голосов за список партии и кандидата от этой партии и выбиралось меньшее из двух чисел. Выбранные числа суммировались, и получалась общая доля нерасщепленных голосов в округе. Затем полученные доли нерасщепленных голосов по всем округам усреднялись, и среднее значение вычиталось из 100%.

Полученные таким образом значения ОИРГ, по-видимому, оказываются заниженными, так как не учитывают «перекрестное расщепление», когда одни избиратели голосуют за партию А и кандидата от партии Б, а другие, наоборот, — за партию Б и канди-

[1] Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. Расщепление голосов в смешанных избирательных системах: попытка комплексного исследования // Социодинамика. 2015. № 8. С. 125–286.

дата от партии А. Однако мы полагаем, что уровень такого «перекрестного расщепления» невысок.

ОИРГ учитывает как избирателей, расщепивших свои голоса вынужденно, поскольку в округе не баллотировался кандидат от выбранной ими партии, так и тех, кто имел возможность проголосовать за кандидата и список одной и той же партии, но по каким-то причинам поступил иначе. Для оценки доли этой второй категории избирателей мы использовали индекс специфического расщепления голосов (ИСРГ). Он вычислялся следующим образом. В каждом одномандатном округе отдельно суммировались положительные и отрицательные значения ИРГ всех партий, у которых в этом округе был и список, и одномандатник. Затем сравнивались модули полученных сумм и из двух чисел выбиралось наибольшее. Полученные значения по всем округам усреднялись.

В таблице 5.30 приведены значения ОИРГ и ИСРГ для всех выборов в германский бундестаг начиная с 1983 года, выборов в Государственную Думу 1995, 1999 и 2003 годов, выборов в Верховную Раду 2012 и 2014 годов, а также выборов законодательных органов шести российских регионов в период 2003–2014 годов.

Таблица 5.30. Показатели расщепления голосов для различных избирательных кампаний

Страна или регион	Год	ОИРГ	ИСРГ
Федеративная Республика Германия	1983	5,8%	5,8%
	1987	6,6%	6,1%
	1990	5,6%	5,5%
	1994	6,5%	6,5%
	1998	9,1%	8,9%
	2002	7,6%	7,5%
	2005	11,1%	10,9%
	2009	11,9%	11,6%
	2013	9,5%	9,3%

Российская Федерация	1995	65,8%	23,6%
	1999	71,9%	17,8%
	2003	61,1%	23,5%
Республика Алтай	2006	73,2%	14,0%
	2010	41,8%	18,9%
	2014	43,3%	25,3%
Хабаровский край	2005	42,8%	11,0%
	2010	15,1%	11,2%
	2014	17,8%	16,5%
Архангельская область	2004	68,5%	14,4%
	2009	39,5%	16,2%
	2013	31,3%	23,9%
Владимирская область	2005	61,9%	19,3%
	2009	30,8%	16,0%
	2013	28,2%	24,8%
Волгоградская область	2003	70,5%	11,1%
	2009	23,6%	14,9%
	2014	21,9%	21,8%
Ульяновская область	2003	64,7%	13,5%
	2008	16,1%	14,7%
	2013	14,3%	13,8%
Украина (без Крыма и Донбасса)	2012	44,8%	21,2%
	2014	62,3%	20,9%

Как видно из таблицы, в Германии оба индекса существенно ниже, чем в России и на Украине. При этом в каждой кампании ОИРГ и ИСРГ имели близкие значения. Это связано с отмеченным выше фактом — основные партии выдвигают кандидатов по всем или почти всем одномандатным округам. В 2005 и 2009 годах индексы заметно выросли, что, вероятно, связано с ростом «стратегического» голосования. В 2013 году они снизились: по-видимому, введение «выравнивающих» мандатов снизило уровень «стратегического» голосования (см. подраздел 3.7.2).

В России на выборах в Государственную Думу значение ИСРГ было довольно высоким, а значение ОИРГ — чрезвычайно высоким. Как показывает анализ, разрыв между этими индексами связан в первую очередь со значительной долей успешно выступавших непартийных кандидатов. Так, в 1999 году доля таких кандидатов (а также их доля среди избранных депутатов) была выше, чем в 1995 и 2003 годах[1], и это отразилось на повышении значения ОИРГ.

На региональных выборах во всех рассматриваемых субъектах РФ значение ОИРГ в первом цикле (2003–2006 годы) было выше, чем в последующих. При этом в третьем цикле значения ОИРГ и ИСРГ стали близкими (исключение — Республика Алтай). И это также связано со снижением доли непартийных кандидатов, в первую очередь с тем, что большая часть провластных кандидатов, ранее предпочитавших самовыдвижение, стала баллотироваться от «Единой России». Увеличение в 2013–2014 годах числа участвующих в выборах партий мало повлияло на значение ОИРГ, а значения ИСРГ в третьем цикле в большинстве рассматриваемых регионов выросли по сравнению со вторым циклом (исключением стала лишь Ульяновская область). В отношении этих индексов региональная специфика не просматривается, лишь в Хабаровском крае их значение несколько ниже, чем в других регионах.

Что касается Украины, то значения ИСРГ в двух кампаниях оказались примерно одинаковы, а значение ОИРГ в 2014 году существенно выросло по сравнению с 2012 годом. Это связано с тем, что значительная часть депутатов, избранных в 2012 году от Партии регионов, в 2014 году баллотировались как самовыдвиженцы.

[1] Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 442.

В целом анализ показал существенные различия между ситуацией в Германии, с одной стороны, и в России и на Украине, с другой. В Германии различия между основными партиями по уровню $ИРГ_{ср}$ и ИПК зависят в основном от уровня их поддержки избирателями. У двух наиболее сильных партий (ХДС/ХСС и СДПГ) результаты кандидатов лучше результатов партий, а у двух партий с меньшей поддержкой (СвДП и зеленые), напротив, результаты кандидатов ниже. Особняком стоят левые, не вступающие на федеральном уровне в коалиции, у которых различия между результатами партии и кандидатов незначительны. Таким образом, в Германии расщепление голосов связано главным образом со «стратегическим» поведением избирателей.

В России к первой группе (результаты партии лучше результатов кандидатов) относятся в основном лидерские и идеологические партии. Во вторую группу (результаты кандидатов лучше результатов партии) из партий, имеющих заметную поддержку избирателей, попадают партии менее идеологизированные, представляющие скорее избирательные союзы разных представителей элиты. Типичным примером такой партии является «Справедливая Россия», несмотря на заявляемую ею левую идеологию. Ранее подобными партиями были «Женщины России», Аграрная партия Россия, Блок Ивана Рыбкина, Народная партия РФ.

Аналогичные тенденции, но менее ярко выраженные, мы видим на Украине. Очевидно, в России и на Украине избиратели в меньшей степени, чем в Германии, привержены определенным партиям, тем более что в обеих странах устойчивая партийная система еще не сформировалась. Все же немалая часть российских и украинских избирателей склонна голосовать одинаково по партийному и кандидат-

скому бюллетеням — об этом свидетельствуют в том числе относительно высокие значения коэффициента корреляции. Однако также немалая часть, выбирая кандидатов, ориентируется не на их партийную принадлежность, а на их личные качества, агитационные материалы и т.п.

Общим для трех стран оказались показатели партий-аутсайдеров. Для всех них характерны лучшие результаты у кандидатов, чем у партийных списков. Более того, для многих из них оказалось характерно стопроцентное доминирование результатов кандидатов. Это относится в том числе и к сильно идеологизированным партиям, таким как Национал-демократическая партия (с 1972 года, когда ее поддержка упала ниже 2%), Марксистско-ленинская партия Германии, «Сталинский блок — за СССР», Блок левых сил Украины, Национально-демократическая партия Украины или Конгресс украинских националистов. Объяснение этому феномену может быть в том, что в подавляющем большинстве случаев число кандидатов-одномандатников меньше числа участвующих в выборах партийных списков. Голосование же за списки партий-аутсайдеров и за их кандидатов в основном случайное.

Наличие в округе партийного кандидата чаще всего повышало результат партии в этом округе, о чем свидетельствуют значения ИВК больше единицы. Случаи, когда этот показатель был ниже единицы, довольно редки. Правда, для некоторых партий высокие значения ИВК можно интерпретировать иначе: партия выдвигала кандидатов в основном в тех округах, где у нее наибольшая поддержка. Однако в большей части случаев такое объяснение не срабатывает.